

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРОДНОЙ СКАЗКИ ГАГАУЗОВ БЕССАРАБИИ

Виталий Сърф

Гагаузский фольклор представляет значительный интерес как устное художественное творчество небольшого народа, находившегося в силу исторических условий в длительном соседстве со многими другими народами в Бессарабии (Мошков 1904 б; Берг 1923). Пестрая этническая среда, в которой гагаузы живут в течение многих веков, наложила своеобразный отпечаток на все стороны их материальной, соционормативной и духовной культуры, в том числе и на фольклор.

До появления письменности на гагаузском языке¹ и индивидуального творчества фольклор оставался основной формой художественного отражения действительности, и поэтому его роль в развитии духовной культуры гагаузов особенно велика.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что устно-поэтическое творчество у гагаузов и в наши дни продолжает свое живое бытование, то есть ученые и исследователи еще могут фиксировать фольклористические и этнологические процессы и явления.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть один из самых распространенных видов гагаузского фольклора – народную сказку – с этнологической точки зрения посредством сравнительно-типологического анализа со сказочным эпосом ряда тюркских и славянских народов, а также романских этносов.

В основу исследования положены фольклорные материалы, собранные автором во время многократных экспедиций в гагаузские населенные пункты Молдовы (Гагаузия) и Украины (Одесская область, Болградский район) за период с 1994 по 2004 год. Привлекаются также записи гагаузских народных сказок, сделанные русским этнографом В. А. Мошковым (Мошков 1904) и гагаузоведами Академии наук Республики Молдова (Е. К. Кольца, М. А. Дурбайло, Г. А. Гайдаржи).

В гагаузской народной сказке имеется немало сюжетов, параллельных или сходных с сюжетами сказок как соседних с гагаузами народов, так и отдаленных. Большинство подобных сюжетов носит международный характер, что объясняется универсальным, типологическим характером фольклора. Один из таких сказочных сюжетов – сюжет “Чудесные дети” (СУС: 707).

Всемирная, общечеловеческая распространенность этого сюжета несомненна. В международном указателе сказочных сюжетов Й. Больте и Г. Поливки отмечаются различные его версии у большинства народов Евразии (Anmerkungen...1915: 381–394).

Видный исследователь фольклора Е. М. Мелетинский сделал попытку выявить объективные, типологические причины происхождения сказки “Чудесные дети” (Мелетинский 1958). Он считает, что образу мачехи предшествует главная жена, а образу падчерицы – обижаемая младшая жена. Причиной же появления данного сюжета, по его мнению, являются распри жен внутри патриархальной полигамной семьи, в частности, ссоры из-за детей. Этнографическую основу появления рассматриваемого сюжета исследователь видит в распространенном на ранней стадии развития семьи обычае убивать детей (особенно, если они отличались чем-то необычным: знаками на теле и т.п.).

Всеобщий процесс перехода к моногамии и патриархату имел у каждого народа специфические особенности, вследствие чего тема невинно гонимой жены в каждом национальном фольклоре получила самостоятельную разработку.

Например, в турецкой сказке “Падишах и три девушки” говорится о том, что падишах подслушал разговор трех сестер (Турецкие...1986: 293–299). Каждая хотела стать его женой и хвалилась своим чудесным умением. Падишах женится поочередно на всех трех, но предпочтение, в конце концов, отдает младшей. То же мы встречаем и в болгарской сказке (Даскалова-Перковска и др. 1994: 240–245).

В гагаузкой, восточнороманской и восточнославянской сказке сын падишаха или царя женится только на младшей сестре (Мошков 1904 а: 63–64; Зуева 1977).

Восточная сказка обычно “забывает” о существовавших некогда кровнородственных отношениях между женами, а европейская сказка, выдвигая на первый план кровнородственные связи женщин (они – сестры), содержит упоминание о них как об общих женах в мотиве соперничества.

“Появление темы невинно гонимых, – отмечает Е. М. Мелетинский, – знаменует ослабление пронизывающего первобытный фольклор пафоса борьбы с природой и перенесение интереса на взаимоотношения людей... Все рассказы о невинно гонимых в той или иной степени имеют социальный смысл, отражают определенные исторические процессы” (Мелетинский 1958: 43).

Особенное место в репертуаре народных сказок гагаузов занимают сказки о мачехе и падчерице, о детях, оставленных отцом в лесу. Эти сказки “следует признать более древними. Мотив преследования детей родителями весьма архаичен. Одни сказки отражают обычай убийства детей (их оставляли в пустынном месте умирать от голода), другие связаны с некоторыми обрядами. Девушку, достигшую половой зрелости, было принято держать в изолированном помещении, родители отводили детей в лес для инициации и т.д. Впоследствии эти мотивы ритуального происхождения были переосмыслены и возникли рассказы о невинно гонимых” (Мелетинский 1958: 163).

Сказка стоит на защите тех, кто попал в беду. Она выручает детей, брошенных на произвол судьбы, – ставит им на службу различных чудесных

помощников, которые спасают их от смерти, покровительствуют и помогают им в борьбе. Благодаря этому отвергнутые и обездоленные достигают своего счастья.

Помощники главного героя (или героев) различны по времени появления и по происхождению: одни восходят к древним магическим и тотемистическим воззрениям, другие связаны с культом предков и обрядами.

У древних тюрков сильное развитие получил культ волка, восходящий к тотему (Урманчиев 1978: 12-23; 1987: 68-73). Его исконность не вызывает сомнения. Древние тюркские кочевые племена постоянно сталкивались в своей деятельности со степными хищниками, в том числе и с волками. Культ волка породил в языке наименования-заменители вследствие запрета (табу) произносить имя обожествленного зверя (у гагаузов волка называют разными словами-эвoremизмами: *yabani*, *canavaz*, *bozkumi*, *bozbeu* и др., а древнее прямое название (*kurt*) почти забыто).

Предки гагаузов отмечали и сами гагаузы поныне отмечают особые дни – “*Canavar yortulari*”, во время которых по народному преданию, нельзя пользоваться режущими инструментами. Этот осенний цикл так называемых “волчьих праздников” хронологически гораздо шире, чем у окружающего болгарского населения, к тому же, имеет более широкую тематику действий (Губогло 1967: 12; 1968: 51-60). Тюрки верили в магическую силу волка-тотема, не случайно на их знамени золотом была вышита волчья голова (Урманчиев 1981; Guboglu 1981).

О культе волка у гагаузов Бессарабии интересные этнографические данные оставил В. А. Мошков: “У гагаузов сохранились очень ясные остатки культа этого зверя (волка – С. В.), вероятно, процветавшего когда-то у их предков. Естественно ожидать появления такого культа у кочевого народа, живущего в степи от скотоводства. Самым главным неумолимым врагом его должен быть волк. Не имея возможности избавиться от него обыкновенными средствами, такой народ должен был испытывать в отношении к нему религиозный страх.

Как на остаток волчьего культа можно указать на “волчьи праздники”, во время которых женщины воздерживаются от всяких работ с шерстью” (Мошков 1901: 14-15).

Среди археологических находок из относящихся к VII-VI вв. до н. э. Башадарских курганов Центрального Алтая имеется мастерски сделанное кнутовище нагайки, на котором были вырезаны три волчьи головы, покрытые золотыми листками (Руденко 1960: 78). (У гагаузов есть обычай вырезать изображение волка на чабанских посохах.)

Корни этого обычая глубоки и связаны не только с ярко выраженными отголосками тотемизма, но и с более древними воззрениями. Вообще представление о том, что тотемные животные являются духами-покровителями, появилось в глубокой древности – еще в эпоху камня. Полагалось, что, войдя

с ними в какой-либо контакт, можно приобрести хотя бы часть их сверхъестественной силы (Окладникова 1979: 28–29, 34), а это, в свою очередь, вызывало почтительное отношение к духу-покровителю со стороны соплеменников, страх перед ним у противников.

Распространен среди народов тюркского происхождения еще один яркий сказочный образ зооморфного характера – образ огромной говорящей птицы, которая в благодарность за спасение своих птенцов от змеи покровительствует герою сказки. У гагаузов такую птицу зовут Kartal (орел).

У древних тюркских народов образ птицы Kartal был связан с шаманским культом, следы этой связи сохранились у некоторых современных тюркоязычных народов (МС: 277). У гагаузов считалось большим грехом стрелять в орла. Полагали, что душа человека превращается после смерти в птицу или улетает на птице (Мошков 1901: 62).

Культовая роль птицы позднее перешла к коню. Сказочный конь крылат и тоже помогает герою в достижении его целей. С ним связано своеобразное отображение древнего культа коня как священного покровителя. Так, конь в якутском эпосе олонхо имеет божественное происхождение и спускается к своему хозяину с небес (Габьшева 1984: 27–30).

Конь играл большую роль в сельскохозяйственной магии (бросали лошадиную голову в костры, “чтобы все родилось”) и в брачных обрядах (вводили лошадь в дом невесты), вешая голову коня на сук высохшего дерева, отгоняли злых духов и тому подобное (Мелетинский 1958: 140).

В гагаузской сказке конь помогает герою допрыгнуть до двенадцатого или сорокового этажа дворца падишаха и заполучить платок и кольцо его дочери. “В образе коня как волшебного помощника героя, – писал известный фольклорист В. М. Жирмунский, – сказка еще сохраняла отдаленную связь с мифологическими представлениями о звере как о чудесном помощнике человека, основанными на древних тотемистических верованиях” (Жирмунский 1962: 24).

Другим помощником главного героя в гагаузской народной сказке является собака (Gunescik 1996: 4), которая, по всей вероятности, как и волк, некогда была почитаемым животным у тюркоязычных племен и народов. У киргизов, например, сохранилось предание о том, что они произошли от большой красной собаки и сорока девушек. Переселением тюрков в Среднюю Азию также будто бы руководил “зверь наподобие собаки” (Джикиев 1963: 200).

Со временем мифическая собака у тюрков подверглась тем же превращениям, что и многие чудесные животные-покровители в преданиях других народов: осталось воспоминание об участии собаки в давних событиях, но смысл этого участия забылся, так как культ собаки угас.

Одним из наиболее типичных для гагаузской сказки зооморфных помощников героя выступает вол (бык). Волшебные волы Muzgos и Galbos, помогают герою заполучить в жены дочь падишаха (Мошков 1904 а: 1–5).

Вол (бык) в солярном культе и культе громовержца известен многим народам (МС: 379). Образ быка (или коровы) занимал важное место у многих народов Евразии и в религиозных представлениях. “Из тюркской мифологии известно, например, что легендарным первопредком тюркских огузских племен был Огуз-каган (Бык-каган), рожденный Ай-каган от быка. Огуз или буга (в различных фонетических вариантах) является культовым животным-тотемом, название которого стало этнонимом” (Боргояков 1976: 57; Кононов 1958: 82–84).

В гагаузской сказке вол Murgos совершает обряд посвящения, проглатывая и выплевывая героя (Мошков 1904 а: 4). Таким образом герой приобретал силу тотема, становился мужчиной (обряд инициации).

В сказках многих народов мира главным положительным персонажем является младший брат. Есть он и в сказках гагаузов. Одной из многих работ, в которых объясняется причина такой общераспространенной идеализации младшего брата в сказке, выступает книга Е. М. Мелетинского “Герой волшебной сказки” (Мелетинский 1958).

Автор выдвигает свою концепцию о генезисе сказочного юниората: идеализация младшего брата в сказке возникла на почве борьбы минората и майората. Майорат приводит к обездоливанию младшего, которого и идеализирует сказка. При этом исследователь указывает на враждебное отношение старших братьев к младшему как на одну из причин идеализации страдающего от несправедливости младшего брата.

Однако гагаузский материал показывает, что идеализация младшего сына или брата в сказке возможна и до появления майората.

Известно, что гагаузы долгое время, еще и в XX в., жили патриархальным укладом, при котором сохранялись многие родовые обычаи. Один из них – минорат, существование которого у гагаузов в XIX – начале XX в. засвидетельствовали этнографы. В. А. Мошков, например, отмечал следующее: “Наследование у гагаузов осуществлялось по праву минората. Дом и часть имущества обычно сохранялись за младшим сыном; старшим выделялись части имущества. В случае смерти отца один из братьев, чаще младший, оставаясь при матери, сохранял за собой дом и часть имущества, землю и скот братья делили между собой. Преимущественное право младшего в наследовании породило обычай запрещать ему вступать в брак раньше старших (Куругло и др. 1983: 150).

Таким образом, отношение у гагаузов к младшему сыну было особое. Он пользовался любовью родственников и большими привилегиями, оставаясь хозяином родительского дома. При этом старшие братья не имели права притязать на наследство младшего. Следовательно, младший сын несколько не был обездолен и являлся сторонником и защитником родовых отношений. Естественно, что патриархальный род поддерживал и идеализировал младшего сына, а в гагаузскую сказку он вошел как один из главных положительных героев.

В гагаузских сказочных сюжетах имеются и другие мотивы патриархального права. Мужчины, самые старшие в семье и в роду, как бывалые,

опытные люди, дают герою сказки разные советы, наставления. Самый положительный и удачливый герой тот, кто послушен старшим. Примером может служить старик, охраняющий колодец, из сказки “Пеливан”. Этот старик-советчик предостерегает героя от беды, стережет сестер героя; за оказанную помощь старик получил богатый подарок и был принят во дворце падишаха как самый дорогой гость.

В сказке “Тарил, Зухройка и Карачул” старик бездетным героям дарит детей, то есть выступает как даритель в отличие от предыдущего старика-помощника. Следовательно, сказка показывает старика не только мудрым советчиком, но и волшебником. Чудесная помощь старика как старейшины, человека, умудренного жизнью, свидетельствует о том, что в патриархальном обществе он заменяет вещих шаманов и добрых духов-помощников героя.

По этому поводу литературовед В. М. Жирмунский в одной из своих работ отмечал: “Вместо звериного помощника героя или рядом с ним появляется и человеческий помощник в разных образах и ролях. То это мудрый старик, вещий шаман, предок рода, мудрый дядюшка-табунщик, который дает ему советы или благославляет его перед началом поездки; то это названный (реже родной) брат и боевой товарищ, “побратим”, помощь которого оказывается необходимой в богатырских состязаниях...”(Жирмунский 1960: 262).

Еще одна сторона патриархата – презрительное отношение к женщине, которое особенно ярко проявляется в сказках гагаузов, описывающих, как честная женщина незаслуженно наказана и вынуждена скитаться по свету. Но ни одна сказка не сообщает о наказании несправедливого мужа за такую жестокость, если даже впоследствии выясняется, что жена ни в чем не виновата.

Довольно много сюжетов гагаузской народной сказки носит религиозный характер. Прежние тотемные и родовые покровители со временем заменяются христианскими. В их числе Аллаа (Бог), архангелы Михаил и Гавриил, святые Петр и Николай, а также покровительницы святых дней недели – *Çar-samba-Babusu* (Баба Среда), *Persemba-Babusu* (Баба Четверг), *Çumaa-Babusu* (Баба Пятница), *Pazar-Anasi* (Мать Воскресенье).

По имеющимся историческим данным, начиная с середины XIX в., гагаузы известны как тюркоязычная народность, исповедующая православное христианство (Покровская 1974: 139). Тот необычный факт, что гагаузы используют мусульманскую терминологию, говорит, по мнению тюрколога Л. А. Покровской, о следующем: “Эти (мусульманские по происхождению – С.В.) термины отражают в основном абстрактные понятия, не связанные с вещественными реалиями христианской религии и потому допускающие переосмысление” (Покровская 1974: 140). И далее: “Мусульманские же религиозные термины арабского и пресидского происхождения в системе христианской религиозной терминологии гагаузов, очевидно, являются данью историческим условиям существования малых тюркоязычных народов христианского вероисповедания (к которым относятся и караманлы) в эпоху владычества османских турок-мусульман на Балканах” (Покровская 1974: 144).

Среди прочих помощников героя особо выделяется Аллаа, так как его помощь в итоге оказывает существеннейшее влияние на судьбу героя. Гагаузская волшебная сказка “Дочь Солнца и Змей”, например, начинается с того, что к бедной женщине приходят Аллаа и его постоянный спутник – св. Петр, и крестят мальчика. Далее крестник находит под деревьями все, что нужно для ведения охоты и хозяйства.

Образ Аллаа напрямую связан с религиозными представлениями гагаузов и носит легендарный характер. У В. А. Мошкова находим об этом следующее: “Бога Отца представляют себе таким, как он рисуется на образах, то есть стариком с седой бородой. Кроме большого ума, большой доброты и большой силы творить чудеса, фигура Бога в воображении гагауза ничем не отличается от почтенного старика крестьянина или помещика” (Мошков 1901: 2).

Специфическими помощниками героя в гагаузской народной сказке являются покровительницы святых дней недели, которые представляются в виде сестер-старух в белой одежде с палками в руках, обладающими тем или иным чудесным предметом. Живут они где-то в дремучем лесу, но зорко следят за тем, чтобы люди соблюдали их праздники — не работали по вечерам в канун среды, четверга, пятницы и воскресенья.

Интересно, что в сказке “Свиное-Копыто”, записанной, вместо ожидаемой Carsamba-Babusu действует Persemba-Babusu. Все три старухи помогают героине найти исчезнувшего мужа, дарят ей золотые вещи (прялку, ступицу колеса для прядения, комнатные туфли). Старшей из сестер-старух выступает, как правило, Pazar-Anasi.

Согласно гагаузским народным верованиям, ежегодно в день “Ак Persemba” (“Чистый Четверг” перед Пасхой – С. В.) умершие посещают свои старые жилища и находятся в них до церковного праздника Вознесения — “Испас” (Курогло 1975: 79–83).

У турок Persenbe-Karisi представлена в виде духа. Считалось, что накануне мусульманских праздников она обходит дома и следит, чтобы никто не сидел за пряжей, а виновных наказывает (например, бросает в кипящий котел). У некоторых групп турок известна как Carsambe-Karisi (МС: 439).

Таким образом, мы видим, что гагаузская народная сказка как этнографический источник представляет несомненный интерес: она разносторонне отображает жизнь гагаузов Бессарабии, их быт, обычаи, обряды, верования. В ней сохранились следы анимизма, тотемизма, магии, культовой практики, патриархальных отношений в семье.

В заключение отметим, что тема нашего исследования далеко не исчерпана – в ней не представлены этнофольклорные данные по гагаузам, проживающих в Румынии, Болгарии, Греции а также в Приазовье, на Северном Кавказе и в Средней Азии.

БЕЛЕЖКИ

¹ Письменность для гагаузского языка на кириллице была введена Указом Президиума Верховного Совета МССР от 30 июля 1957 г. (См.: газеты "Советская Молдавия", 1957, 31 июля; "Молдова Социалистэ", 1957, 31 юлиие).

ЛИТЕРАТУРА

Берг, 1923: Берг, Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. П., 1923.

Боргояков, 1976: Боргояков, М. М. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке). Советская тюркология, Вып. 3, 1976.

Габьшева, 1984: Габьшева, Л. Л. Цвето- и зоосимволика в якутском эпосе олонхо. – Советская тюркология. Вып. 3, 1984.

Губогло, 1967: Губогло, М. Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1967.

Губогло, 1968: Губогло, М. Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Материалы и исследования. Кишинев, 1968.

Даскалова-Перковска и др., 1994: Даскалова-Перковска, Д., Добрева, Й., Коцева, Е., 1994.

Мицева. Български фолклорни приказки. Каталог. София.

Джикиев, 1963: Джикиев, А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Ашхабад. Т. VII, 1963.

Жирмунский, 1960: Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.

Жирмунский, 1962: Жирмунский, В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-историч. очерки. М.; Л., 1962.

Зуева, 1977: Зуева, Т. В. Образы и структурные типы волшебной сказки "Чудесные дети" в традиционной версии восточных славян. — Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1977.

Кононов, 1958: Кононов, А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.

Курогло, 1975: Курогло, С. С. Поминальные обряды и обычаи гагаузов в XIX — начале XX в. Изв. АН МССР. Сер. общ. наук. Вып. 3, 1975.

Курогло, 1983: Курогло, С.С.; Маруневич, М. В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. Кишинев, 1983.

Мелетинский, 1958: Мелетинский, Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.

МС, 1991: Мифологический словарь. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991.

Мошков, 1901: Мошков, В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. – Этнографическое обозрение. Т. 51. Вып. 4, 1991.

Мошков 1904 а: Мошков, В. А. Наречия бессарабских гагаузов. Образцы народной литературы тюркских племен. изд. В. Радловым. Ч. X. СПб, 1904 а.

- Мошков, 1904 б:** Мошков, В. А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903 г. — Изв. Имп. русского географического общества. СПб., Т. IX. Вып.3, 1904 б.
- Окладникова, 1979:** Окладникова, Е. А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979.
- Покровская, 1974:** Покровская, Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов. Советская этнография. Вып. 1, 1974.
- Руденко, 1960:** Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- СУС, 1979:** Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. Н. Новиков. Л., 1979.
- Турецкие..., 1986:** Турецкие сказки. Сост., перев., вступ.ст. и прим. И. В. Стеблевой. М., 1986.
- Урманчеев, 1978:** Урманчеев, Ф. По следам Белого Волка. — Советская тюркология. Вып. 6, 1978.
- Урманчеев, 1987:** Урманчеев, Ф. Золотая волчья голова на знамени. К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе. Советская тюркология. Вып. 3, 1987.
- Anmerkungen..., 1915:** Anmerkungen zu den Kinder – und Hausmдrchen der Brьder Grimm. Neu bearbeiten von J. Bolte und G. Polivka. – 2 B. Leipzig, 1915.
- Guboglu, 1981:** Guboglu, M. N. Gagauz folklorunun ozellikleri, onemi ve Canavar kultu. Bursa, 1981.